

Антон Чехов

То была она!

АНТОН ПАВЛОВИЧ ЧЕХОВ
То была она!

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=176252

Антон Павлович Чехов

То была она!

– Расскажите нам что-нибудь, Петр Иванович! – сказали девицы.

Полковник покрутил свой седой ус, крякнул и начал:

«Это было в 1843 году, когда наш полк стоял под Ченстоховом. А надо вам заметить, сударыни мои, зима в том году стояла лютая, так что не проходило ни одного дня, чтобы часовые не отмораживали себе носов или выюга не засыпала бы снегом дорог. Трескучий морозище как стал в конце октября, так и продержался вплоть до самого апреля. В те поры, надо вам заметить, я не выглядел таким старым, прокопченным чубуком, как теперь, а был, можете себе представить, молодец-молодцом, кровь с молоком, красавец-мужчина, одним словом. Франтил я, как павлин, сорил деньгами направо и налево и закручивал свои усы, как ни один прапорщик в свете. Бывало, стоило мне только моргнуть глазом, звякнуть шпорой и крутнуть ус – и самая гордая красавица обращалась в послушного ягненка. Жаден я был до женщин, как паук до мух, и если бы, сударыни мои, я стал сейчас перечислять вам полячек и жидовочек, которые в свое время висли на моей шее, то, смею вас уверить, в математике не хватило бы чисел... Прибавьте ко всему этому, что я состоял полковым адъютантом, отлично танцевал мазурку и был женат на

прехорошенькой женщине, упокой господи ее душу. А какой я был сорванец, буйная головушка, вы и представить себе не можете. Если в уезде случалась какая-нибудь амурная кувырколлегия, если кто-нибудь вырывал жиду пейсы или бил по мордасам шляхтича, то так и знали, что это подпоручик Вывертов натворил.

В качестве адъютанта мне много приходилось рыскать по уезду. То я ездил овес или сено покупать, то продавал жидам и панам бракованных лошадей, а чаще всего, сударыни мои, под видом службы, скакал к панночкам на randevу или к богатым помещикам поиграть в картишки... В ночь под Рождество, как теперь помню, я ехал из Ченстохова в деревню Шевелки, куда послали меня по служебным надобностям. Погода была, я вам доложу, нестерпимая... Мороз трещал и сердился, так что даже лошади крякали, а я и мой возница в какие-нибудь полчаса обратились в две сосульки... С морозом еще можно мириться, куда ни шло, но представьте себе, на полдороге вдруг поднялась метель. Белый саван закружился, завертелся, как чёрт перед заутреней, ветер застонал, точно у него жену отняли, дорога исчезла... Не больше как в десять минут меня, возницу и лошадей облепило снегом.

– Ваше благородие, мы с дороги сбились! – говорит возница.

– Ах, чёрт возьми! Что же ты, болван, глядел? Ну, поезжай прямо, авось, наткнемся на жильё!

Ну-с, ехали мы, ехали, кружились-кружились, и этак к

полночи наши кони уперлись в ворота имения, как теперь помню, графа Боядловского, богатого поляка, Поляки и жи-ды для меня всё равно что хрен после обеда, но, надо правду сказать, шляхта гостеприимный народ и нет горячей женщин, как панночки...

Нас впустили... Сам граф Боядловский жил в ту пору в Париже, и нас принял его управляющий, поляк Казимир Хапцинский. Помню, не прошло и часа, как я уже сидел во флигеле управляющего, миндальничал с его женой, пил и играл в карты. Выиграв пять червонцев и напившись, я попросился спать. За неимением места во флигеле, мне отвели комнату в графских хоромаш.

– Вы не боитесь привидений? – спросил управляющий, вводя меня в небольшую комнату, прилегающую к громадной пустой зале, полной холода и потемок.

– А разве тут есть привидения? – спросил я, слушая, как глухое эхо повторяет мои слова и шаги.

– Не знаю, – засмеялся поляк, – но мне кажется, что это место самое подходящее для привидений и нечистых духов.

Я хорошо заложил за галстук и был пьян, как сорок тысяч сапожников, но, признаться, от таких слов меня обдало холодком. Чёрт побери, лучше сотня черкесов, чем одно привидение! Но делать было нечего, я разделся и лег... Моя свечка освещала стены еле-еле, а на стенах, можете себе представить, портреты предков, один страшнее другого, старинное оружие, охотничьи рога и прочая фантазмагория...

Тишина стояла, как в могиле, только в соседней зале шуршали мыши и потрескивала разошедшаяся мебель. А за окном творилось что-то адское... Ветер отпевал кого-то, деревья гнулись с воем и плачем; какая-то чертовщина, должно быть, ставня, жалобно скрипела и стучала по оконной раме. Прибавьте ко всему этому, что у меня кружилась голова, а с головой и весь мир... Когда я закрывал глаза, мне казалось, что моя кровать носилась по всему пустому дому и играла в чехарду с духами. Чтобы уменьшить свой страх, я первым делом потушил свечу, так как пустующие комнаты при свете гораздо страшней, чем в потемках...»

Три девицы, слушавшие полковника, придвинулись поближе к рассказчику и уставились на него неподвижными глазами.

«Ну-с, – продолжал полковник, – как я ни старался уснуть, сон бежал от меня. То мне казалось, что воры лезут в окно, то слышался чей-то шёпот, то кто-то касался моего плеча – вообще чудилась чертовщина, какая знакома всякому, кто когда-нибудь находился в нервном напряжении. Но, можете себе представить, среди чертовщины и хаоса звуков я явственно различаю звук, похожий на шлепанье туфель. Прислушиваюсь – и что бы вы думали? – слышу я, кто-то подходит к моей двери, кашляет и отворяет ее...

– Кто здесь? – спрашиваю я, поднимаясь.

– Это я... не бойся! – отвечает женский голос.

Я направился к двери... Прошло несколько секунд, и я

почувствовал, как две женские ручки, мягкие, как гагачий пух, легли мне на плечи.

– Я люблю тебя... Ты для меня дороже жизни, – сказал женский мелодический голосок.

Горячее дыхание коснулось моей щеки... Забыв про метель, про духов, про всё на свете, я обхватил рукой талию... и какую талию! Такие талии природа может изготавливать только по особому заказу, раз в десять лет... Тонкая, точно выточенная, горячая, эфемерная, как дыхание младенца! Я не выдержал, крепко сжал ее в объятиях... Уста наши слились в крепкий, продолжительный поцелуй и... клянусь вам всеми женщинами в мире, я до могилы не забуду этого поцелуя».

Полковник умолк, выпил полстакана воды и продолжал, понизив голос:

«Когда на другой день я выглянул в окно, то увидел, что метель стала еще больше... Ехать не было никакой возможности. Пришлось весь день сидеть у управляющего, играть в карты и пить. Вечером я опять был в пустом доме, и ровно в полночь я опять обнимал знакомую талию... Да, барышни, если б не любовь, окошел бы я тогда от скуки. Спился бы, пожалуй».

Полковник вздохнул, поднялся и молча заходил по гостиной.

– Но... что же дальше? – спросила одна из барышень, замирая от ожидания.

– Ничего. На следующий день я был уже в дороге.

– Но... кто же была та женщина? – спросили нерешительно барышни.

– Понятно, кто!

– Ничего не понятно...

– Это была моя жена!

Все три барышни вскочили, точно ужаленные.

– То есть... как же так? – спросили они.

– Ах, господи, что же тут непонятного? – сказал полковник с досадой и пожал плечами. – Ведь я, кажется, достаточно ясно выразался! Ехал я в Шевелки с женой... Ночевала она в пустом доме, в соседней комнате... Очень ясно!

– Ммм... – проговорили барышни, разочарованно опуская руки. – Начали хорошо, а кончили бог знает как... Жена... Извините, но это даже не интересно и... нисколько не умно.

– Странно! Значит, вам хотелось бы, чтоб это была не моя законная жена, а какая-нибудь посторонняя женщина! Ах, барышни, барышни! Если вы теперь так рассуждаете, то что же вы будете говорить, когда повыходите замуж?

Барышни сконфузились и замолчали. Они надулись, нахмурились и, совсем разочарованные, стали громко зевать... За ужином они ничего не ели, катали из хлеба шарики и молчали.

– Нет, это даже... бессовестно! – не выдержала одна из них. – Зачем же было рассказывать, если такой конец? Ничего хорошего в этом рассказе нет... Даже дико!

– Начали так заманчиво и... вдруг оборвали... – добавила другая. – Насмешка, и больше ничего.

– Ну, ну, ну... я пошутил... – сказал полковник. – Не сердитесь, барышни, я пошутил. То была не моя жена, а жена управляющего...

– Да?!

Барышни вдруг повеселели, глазки их засверкали... Они придвинулись к полковнику и, подливая ему вина, засыпали его вопросами. Скука исчезла, исчез скоро и ужин, так как барышни стали кушать с большим аппетитом.